

Моск. правда. - 1994. - 28 сент. - с. 8.

Быть футболистом — важно, или Малоизвестный Зураб Соткилава

У читателя, пробежавшего глазами заголовок и не очень-то расположенного к спорту, сразу же, вероятно, возникает вопрос: если важно, то для кого? Отвечаем без тени иронии: для певца. Чтобы стать им. Причем не рядовым, а выдающимся. Таким, как Зураб Соткилава. Солоист Государственного академического Большого театра России. Реально существующий народный артист Союза ССР, канувшего в Лету (в отличие от самого носителя почетного звания), и Грузии. Обладателя многих титулов, званий и наград, перечислять которые нет смысла, ибо в сравнении со звучанием его голоса они мало что выражают.

А о футбольных пристрастиях маэстро я, к стыду своему, узнал лишь недавно. И случайно. Звоню Зурабу по его домашнему телефону. Чтобы договориться об интервью. Час вроде бы уже и не ранний — одиннадцать утра. Отвечает милый женский голос, принадлежащий, очевидно, жене или одной из дочерей певца: «А Зураб еще спит. Позвоните часа через два». В тринадцать ноль-ноль снова накручиваю диск телефона. Тот же голос с характерным грузинским акцентом уже сетует — «Спит еще Зураб». И с некоторым замешательством поясняет: «Вчера он до четырех часов ночи сидел у телевизора. Смотрел футбольный чемпионат».

Когда я вышел на прямой контакт с только что отошедшим от сна Зурабом, уже смеркалось. Преследовала мысль о странной совместности возвышенных духовных интересов, без которых истинное пение (исповесть души!) невозможно, и довольно приземленной прозы спортивного ажиотажа, вырастающего из весьма примитивных переживаний и не слишком-то утонченных чувств. Правда, вспомнилось, что даже отрешенные от мирской суеты средневековые монахи Северной Англии, как показали новейшие археологические раскопки, бойко играли в футбол. Поэтому и первым моим вопросом к знаменитому тенору, когда мы уже сидели у него в уютной гостиной в царстве ковров, рояля и книг, было:

- Хотелось бы спросить вас и в шутку, и всерьез, — какую роль сыграл футбол в вашем вокальном становлении?

- Большую. Я родился в Сухуми. Самое лучшее, что мы — дети — там имели, это, в первых, великое множество ничем не занятых зеленых полей. Во-вторых, уйма свободного времени, которое нужно было куда-то девать. Рядом плескалось море. Мы играли в футбол. Потом плавали. Думаю, физически развивались очень хорошо. А певцу надо здоровье. Иначе петь он не сможет. Кроме того, футбол вырабатывает дух соревнования, жажду победы, спортивную злость. И еще воспитывает чувство коллективизма и одновременно стремление быть не хуже своих партнеров. Все это осталось во мне до сих пор. Скажем, когда я пою в ансамблях и стараюсь не нарушать их целостность, звуковую соразмерность. Другими словами — не вылезать. Это идет от футбола. От него идет и забота о здоровой теоретической атмосфере. А она в наших командах была самая доброжелательная. Это теперь футболистам платят большие деньги, и им есть что делить. Мы же играли исключительно из-за любви к спорту и были сильны своим духом, волей. Ведь сколько лет с тех пор прошло, а это и сейчас со мной. Для артиста это чрезвычайно важно. Впрочем, не только для артиста. Однажды в итальянской газете «Карьере делла сера» появилась статья. В ней говорилось, что, для того чтобы стать хорошим политиком, надо для начала поиграть в футбольных командах, затем занять пост прези-

дента спортивного клуба и только потом выдвигать свою персону на должность Председателя Совета Министров.

- Вы и сейчас продолжаете играть в футбол?

- Увы, в двадцать лет я получил тяжелую травму, и она все эти годы давала знать о себе. Тем не менее продолжал играть. В последний раз имел счастье выйти в спортзал в декабре прошлого года. Там угораздило растянуть поврежденную мышцу. Ее оперировали. Хромаю до сих пор. Играть пока не могу.

- В каких клубах вы играли?

- Начиная, как и все дети, со спортшколы. Если раньше вы бывали в Сухуми, то, наверное, помните, что там, напротив Дома правительства, раскинулась большая поляна. Она была разбита чуть ли не на двадцать футбольных полей. Так вот, на них выросли такие известные футболисты, как Никита Симонян, Хасария, Маргания, Гогоберидзе, Геннадий Бондаренко из знаменитого ленинградского «Зенита». Словом, целая плеяда замечательнейших футболистов и прекрасных людей. Встречаюсь с ними до сих пор. На поля эти к нам — детям — приходили тренеры из спортивной школы, наблюдали за нашими играми и тут же отбирали нас. Почти поразительно. Там набирают детей в футбольные команды прямо на пляжах. Так было не только в Сухуми, но и по всей Абхазии и Грузии. Таким образом я и попал двенадцати лет во вторую команду Сухумской спортшколы. Мы сразу же начинали играть в ранге профессионалов. Пятнадцати лет меня взяли в сухумское «Динамо». Ездил по всей Грузии, играли на первенство. А футбол тогда был очень сильный, и первенство Грузии, как и первенство России или Украины, находилось на высоком уровне.

- Ужели у вас складывалось все так гладко?

- Нет, конечно. Порой происходили разные малоприятные вещи. У меня, например, на лице до сих пор шрамы. После избиений. От толпы, выбегавшей на поле. Сейчас вспоминаю об этом с чувством ностальгической грусти, даже радости. А тогда было страшно. В команде я ведь был самый маленький. Старшие футболисты — «старички» лет по 25-26 — в такие мгновения кричали: «Зурик, ложись!». Я ложился, а они бросались на меня сверху, защищая меня от разъяренных болельщиков. Так что все шишки падали на тех, кто был старше меня. Но одна хорошая бляха угодила и в меня. В шестнадцать лет, когда окончил школу, меня забрали в тбилиское «Динамо». Играл там два сезона. А до этого попал в юношескую сборную Грузии. В те времена проводились великолепные чемпионаты среди юношей на первенство Советского Союза. Они вызвали огромный интерес. Помню, стадионы, на которых мы играли, были битком набиты людьми. В Ленинграде, например, где мы стали чемпионами Союза. Я был капитаном команды. Недавно я выступал перед нашими великими футболистами, такими, как Игорь Нетто, и другими. Я сказал им, что сравниться с ними по спортивным званиям не могу. Правда, имею много артистических, однако самым высоким титулом остается для меня то, что я чемпион Советского Союза среди юношей. Потом — в «Динамо» — получил травму, и думаю, что вовремя получил. Опытай еще на два три года, и петь наверняка не стал бы. Упустил бы возраст. Но тогда казалось, что жизнь моя на этом кончилась. Не знал, что делать дальше, хотя в то время уже учился в Политехническом институте на горно-геологическом факультете.

- Вы его закончили?

- Закончил. Получил диплом инженера-маркшейдера и даже работал по этой специ-

альности около трех месяцев. Преддипломную практику проходил в Донбассе — в Красногвардейске.

- К этому времени вы уже пели?

- Профессионально — нет. А вообще музицировал с детства. Мама и бабушка хорошо играли на гитаре, пели. Я подпевал им. Но это в основном был городской фольклор и, безусловно, наши народные мингрельские песни. Впечатления детства оказались настолько яркими, что позже, когда я стал профессиональным певцом, моим самым первым желанием было исполнять мингрельские песни. На концертной эстраде. До этого их можно было услышать разве только во время застолья. Меня поддержал наш замечательный композитор Отар Тактакишвили и по моей просьбе написал цикл мингрельских песен для голоса и фортепиано. Я привез их в Москву и исполнил в концертном зале Чайковского. Успех был бешеный. Тактакишвили узнал об этом и придумал еще более богатую форму цикла — для вокального октета, камерного оркестра и солиста. Получилось изумительно. Куда я только не возил это сочинение! В Германию, в Голландию, во Францию, в Японию... Везде принимали необыкновенно хорошо. А реакция японцев была вообще потрясающей. То, что они восхищались музыкой, можно было понять. Она ни на что не похожа. Но они реагировали еще и на слово! На мингрельском языке. Это меня сначала очень и очень озадачило. Позже выяснилось, что синхронно с моим пением бегущей строкой давался перевод текста. Все было заготовлено и заложено в компьютер заранее.

- Где и у кого вы начали заниматься пением профессионально?

- В Сухуми. У Валерии Викторовны Разумовской. Не забуду ее никогда. Она была пианисткой и работала с вокалистами. Вдобавок жила с нами по соседству. Прислушивалась к нашему семейному музицированию и старалась всячески склонить меня к серьезным занятиям вокалом. Познала меня с профессором из Тбилисской консерватории, когда я в составе футбольной команды приехал однажды в столицу Грузии. Профессор прослушал меня, но особенного восторга не выразил. Но он был страстным бо-

к чему тебе конкурс? Тебя просто задавят». Чуть ли не накануне конкурса, когда все отборочные были произведены, меня вызывает к себе тогдашний министр культуры Фурцева и заявляет, что если я не соглашусь участвовать в конкурсе Чайковского, то за рубеж меня выпустать не будут. Я призадумался и решил готовиться к конкурсу. Но нет худа без добра. На нем я по-настоящему окупился в стихию камерной музыки. Встретился с уникальным пианистом Вахой Чачавой и начал с ним работать. Приобщился к шедеврам Гуго Вольфа, Рихарда Штрауса, сделал хорошие программы. Потом был приглашен в Большой театр. В этом году отмечаю круглую дату моей работы в нем — двадцатилетие. Прошедшим летом побывал в кресле председателя жюри десятиго, юбилейного, Международного конкурса Чайковского по специальности «сольное пение». Но это уже тема особая.

- Судя по всему, футбол сыграл в вашей жизни двоякую и довольно противоречивую роль. С одной стороны, он помог вам воспитать в себе качества, совершенно необходимые для артистической деятельности. С другой — чуть ли не помешал вам стать певцом. Выручила лишь травма и необходимость искать иные жизненные пути.

- Наверное, это так и есть. Но я думаю, не занимаясь я футболом, никогда не почувствовал бы себя счастливым человеком. Мало что в жизни способно доставить такую радость и одновременно принести такую физическую и душевную пользу, как футбол.

- Как вы оцениваете состояние мирового футбола?

- Если судить по прошедшему международному чемпионату, то достаточно высоко. Конечно, бразильская команда, хотя она и победила, не была командой 50-60-х годов, когда играл Пеле. Но все-таки это была команда очень умных и техничных футболистов. Физически они окрепли еще больше, да и чувство коллективизма у них выросло. Мне кажется, они превосходили всех. Тем не менее порой возникало впечатление, что их могут обыграть голландцы. Очень хорошо показали себя итальянцы.

- А наши?

- О них вообще говорить не хочу. Когда наши футболисты играли на отборочных матчах с греками, то я сказал, что будет лучше, если они не поедут на международный чемпионат вообще. Я был поражен, как можно было выпустать такой состав. Ребята были очень инертные, никакого спортивного задора, азарта. Его обыгрывают как мальчишку, а он стоит отрешенно, как будто бы это его не касается. А эти неуместные конфликты и две первые ужасные игры! Я сторонник того, чтобы в команде было больше спартаковцев. После распада Союза уровень нашего футбола катастрофически снизился. Особенно с уходом украинцев. Сейчас единственная команда — это московский «Спартак». Он вне конкуренции. Однако если с вами никто равный не играет, то можно потерять квалификацию. В настоящее время все любители и болельщики надеются на нового тренера «Динамо» Бескова, на то, что он создаст хорошую, крепкую команду. В этом сезоне она показала себя обнадеживающе.

... Вот так, собиравшись брать интервью у музыканта, а вышло — у футболиста. Словом, искал Индию, а попал в Америку. Однако утешился, вспоминая, что чуть ли не все великие голоса века — и Паваротти, и Каррерас, и Доминго, и другие, тоже некогда были виртуозами кожаного мяча. Так что случай с Зурабом — вдохновляющая закономерность.

Герард КИМЕКЛИС.
Фото Валерия СКОКОВА.